

В.В. ВАСИЛЬЕВА, А.Н. ВОРОБЬЕВ
ТЕОРИЯ КОРРУПЦИОННЫХ РЫНКОВ

Введение

Сегодня поле исследований коррупции, на первый взгляд, выглядит вполне заполненным, имеющим фундаментальную основу [Rose-Ackerman, 1996; Ades, Tella Di, 1999], установлены связи между коррупцией и экономическими или политическими факторами [Rose-Ackerman, 2001; Kunicová, Rose-Ackerman, 2005; Acemoglu, Johnson, Robinson, Thaicharoen, 2003], дан обзор наиболее эффективных мер противодействия коррупции на основе успешных практик [Jenkins, Goetz, 1999; Basu, Bhattacharya, Mishra, 1992], выявлена коррупционная динамика государств или регионов на основе появляющихся данных [Gylfason, 2001; Gupta, Mello De, Sharan, 2001; Svensson, 2005; Djankov, La Porta, Lopez-De-Silanes, Shleifer, 2002]. Критический анализ исследований, посвященных коррупционной тематике, позволяет выделить ряд пробелов, привлекающих исследователей на фоне фрагментации и сужения предмета исследования [Persson, Rothstein, Teorell, 2013; Treisman, 2007]. Это свидетельствует о неспособности ставших привычными аналитических конструкций объяснять процессы, происходящие в государстве на сегодняшний день.

Причиной этого является наличие разрыва между двумя уровнями исследований: микро- и макро-. Концентрация на первом позволяет исследовать отдельные сферы (или рынки), не объясняя влияния большинства политических факторов. Смещение фокуса

на макроуровень позволяет зафиксировать глобальные тенденции, но упускает из виду влияние государственной политики, антикоррупционных реформ на трансформацию исследуемого явления. Следовательно, коррупция понимается как экзогенный фактор, точка отсчета. Это порождает порочную логику поиска наиболее результативных мер по борьбе с коррупцией на основе применения мер, доказавших свою эффективность в ряде значимых случаев, как в случае с сингапурским или новозеландским опытом.

Основной вопрос, на который мы попытаемся дать ответ в данной статье, – вопрос о месте коррупции в государстве. Массив ранее проведенных исследований вполне убедительно доказывает тезис о негативных последствиях разрастания данного явления, равно как и о влиянии коррупции на экономические аспекты (объем инвестиций и их результативность, уровень благосостояния), социальные (формирование терпимости к коррупции, понимание ее как неизбежной данности и способа ведения дел), политические (функционирования бюрократии, устойчивость режима, качество государственной политики [Nice, 1986 a]). Тем не менее неясным остается место коррупции в системе общественных отношений, о чем свидетельствуют разнонаправленные концепции понимания коррупции – захват государства (Seize the state), способ изменения конкуренции [Bliss, Tella Di, 1997], коррупция и бюрократия [Bardhan, 1997; Corgea, 1985].

Фактически мы говорим об отсутствии артикулированного системного понимания коррупции, выражающегося не в многообразии определений, не в измерении «коррупция, существующая во всех сферах», а именно в понимании и определении причин и точек возникновения коррупции, факторов, способствующих ее развитию или снижению, а также механизмов ее функционирования и трансформации.

В статье мы опираемся на ранее разработанный нами аналитический концепт [Васильева, Воробьев, 2015; Vasileva, Vorobyev, 2014] коррупционных рынков. В них явление коррупции понимается как рынок, подчиняющийся экономической логике и опирающийся на три основных фактора: качество институтов, охват и степень государственного регулирования. Описание моделей коррупционных рынков и их динамики, представленное в указанных статьях, нуждается в теоретическом фундаменте, который мы представляем в данной статье.

Однако прежде чем приступить к выработке упомянутого механизма коррупции и объяснению процессов функционирования коррупционных рынков, следует обратиться к ранее сделанным теоретическим разработкам. Стоит оговориться, что мы акцентируем внимание не на традиционной хронологической фиксации трансформаций понимания данного явления, а стремимся систематизировать основные работы по направлениям исследования, зафиксировать «предтечи» понимания коррупционных рынков и выявить исследовательские тенденции.

Эволюция методологии и основных аспектов изучения проблемы коррупции

Анализ проведенного нами массива публикаций (см. Приложение 1) позволил выявить следующие тенденции¹.

1. Исследования коррупционной проблематики представлены значительным объемом публикаций, в том числе дисциплинарных – за период с 1970 по 2015 г. общий объем релевантных работ составил 7841.

2. Зародившись в 1970-х годах, исследования коррупции развивались неравномерно. Так, с 1996 г. происходит рост исследований коррупционной проблематики по экспоненте, пик приходится на 2013 г., после которого как качественный, так и количественный спад.

3. В исследованиях коррупции наблюдается явное доминирование экономического подхода, прежде всего политической экономии. Ключевое значение для интерпретации коррупции имеют Г. Беккер и теория рационального выбора, теория общественного выбора и принципал-агентская модель. В 2010-х годах появились также попытки интерпретации коррупции как проблемы коллективного действия [Persson, Rothstein, Teorell, 2013].

4. Наблюдается явное доминирование определенной методологии на каждом этапе развития исследований коррупции начиная с 1980-х годов. При этом с 2000 г. регрессионный анализ стал основным методом исследования коррупционной проблематики, что

¹ Обзор исследований проводился с использованием баз реферируемых статей Scopus и Web of Science.

вкупе с увлечением основанными на экспертных оценках индексами коррупции и другими формами квантификации явления привело к чрезмерной фрагментации исследовательского пространства. Этот огромный пласт разрозненных количественных исследований можно условно охарактеризовать как связь коррупции «со всем живым». Д. Трейсман [Treisman, 2007] ставит вопрос о верифицируемости выявленных с помощью регрессионного анализа данных, основная проблема которых состоит не столько в методологии исследования, сколько в качестве опорных данных – индексов коррупции, составленных с применением качественных методов.

5. Логика развития исследований коррупции в рамках выделенного периода следующая:

– исследование причин коррупции на микроуровне (теория рационального выбора, теории игр, кейс-стади, вероятностные математические модели);

– методы борьбы с коррупцией (доминирующий методологический тренд – кейс-стади, изучение лучших практик, регрессионный анализ);

– последствия коррупции (регрессия и анализ «big data» с помощью cross-country и cross-section анализов).

6. Анализ публикаций наглядно демонстрирует, что пик коррупционных исследований приходится на середину 1990-х – конец 2000-х годов. В этот период были созданы наиболее фундаментальные и потому цитируемые работы по данному вопросу [Treisman, 2000; Djankov, La Porta, Lopez-De-Silanes, Shleifer, 2002; Ades, Tella Di, 1999; Tanzi, 1998; Fisman, Gatti, 2002; Acemoglu, Verdier, 1998; Acemoglu, Verdier, 2000; Svensson, 2003].

Несмотря на значительный объем исследований коррупции, часть из них является применением ранее использованных методов в новых условиях. Однако в целом получается, что данные тренды разнонаправлены и далеко не способствуют развитию дальнейших исследований (а порой и вносят путаницу). Тем не менее в исследованиях коррупции детально проработан микроуровень коррупционной сделки [Rose-Ackerman, 1975; Tanzi, 1998; Andvig, Moene, 1990; Correa, 1985; Lien, 1990; Shleifer, Vishny, 1993]. Определенный консенсус был также достигнут по проблеме связи институтов с коррупцией [Rose-Ackerman, 2001; Lederman, Loayza, Soares, 2005; Acemoglu, Johnson, Robinson, Thaicharoen, 2003]. Ос-

тальные наиболее значимые предпосылки теории коррупционных рынков представлены в Приложении 2.

Тем не менее одной из основных проблем, связанных с процессом изучения коррупции, является крайне невысокая доля теоретических работ, нацеленных на описание механизма коррупции. Часть данных работ носит сугубо нарративно-дискуссионный характер [Olivier De Sardan, 1999; Black, Kraakman, Tarassova, 2000], при котором на основе анализа богатого фактологического материала делаются достаточно общие выводы. Последствием использования подобного подхода становится создание различного рода классификаций, самая наглядная из которых – это региональная классификация коррупции, которая, однако, не выдерживает критики с позиции Дж. Сартори [Sartori, 1970] за счет крайне высокой генерализации и отсутствия исключительных характеристик каждого из классов. Подобный подход продолжает оставаться достаточно популярным и в российской политологии – используются ставшие классическими теоретические разработки [Rose-Ackerman, 1999], в призме которых часто описываются аспекты российской коррупции.

Среди выявленных белых пятен современного состояния проблемного поля исследований коррупции выделяются следующие.

1. Отсутствие однозначного консенсуса относительно определения коррупции. Данная проблема не является фундаментальной, поскольку уже выработано достаточное количество определений, раскрывающих меняющиеся формы и особенности коррупции. В работах упомянутых выше исследователей выявляется тенденция к отсутствию спецификации понятия коррупции (при условии, что общего консенсуса в понимании коррупции нет), что позволяет понимать под ней и все, и ничего одновременно.

2. Обращение к устаревшим теоретическим разработкам [Persson, Rothstein, Teorell, 2013; Treisman, 2007; Tanzi, 1998]. В силу длительного исторического существования явления трансформации коррупции под воздействием факторов глобализации могут игнорироваться исследователями. Подобные трансформации коррупции ограничивают применимость и объяснительный потенциал части ранее созданных теоретических конструкций.

3. Фрагментация направлений исследования. Сложившаяся тенденция к сужению предмета исследования привела к созданию разнонаправленных концептов, обладающих вполне убедительным

объяснительным потенциалом исключительно на микроуровне или на макроуровне.

Выявив основные тенденции в массиве публикаций и обозначив «белые пятна» проблемного поля исследований коррупции, мы переходим к объяснению механизма функционирования коррупционного рынка, опираясь на существующие методологические разработки.

Коррупционный рынок: Методологические основы и механизм функционирования

Понимание коррупции как вида рыночных отношений в целом не ново. Анализ литературы демонстрирует, что ряд авторов обращались к вопросам существования коррупционного рынка [Ades, Tella Di, 1999] и объяснения его через категории спроса и предложения, а также выявляли те факторы, которые, по их мнению, способны тем или иным образом влиять на коррупционную динамику (см. приложение 2). Среди них отмечались: качество законов [Treisman, 2000], бремя государственного регулирования [Tanzi, 1998; Friedman, Johnson, Kaufmann, Zoido, 2000; Djankov, La Porta, Lopez-De-Silanes, Shleifer, 2002; Wade, 1985], свобода СМИ [Strömberg, 2001], прозрачность государственного управления [Mehmet, 1996], качество бюрократии [Tanzi, 1998; Bardhan, 1997] и др.

Предлагаемая нами парадигма также опирается на экономические категории, однако они понимаются как эндогенные. Экзогенными являются переменные политического характера. Работы, выполненные в духе экономического детерминизма, способны объяснять коррупционные процессы в статике, но не динамические изменения – так как экономические факторы (налогообложение, зарплаты государственных служащих, бюджетные траты и др.) зависят от политических решений.

Распространение коррупции зависит от взаимодействия трех факторов: качества институтов, охвата государственного регулирования и степени государственного регулирования. Источником коррупции является власть [Bliss, Tella Di, 1997]. Концентрация административного ресурса у агента проистекает не только из законов, но и из широких дискреционных полномочий. То есть коррупция распространяется при условии расширения охвата государ-

ственного регулирования, увеличивающего количество точек потенциального возникновения коррупции. Вторым фактором – низкая степень государственного регулирования, в рамках которой коррупционным акторам дается широкий круг полномочий [Wade, 1985], что в совокупности с неопределенностью нормативного регулирования приводит к росту коррупционного поведения [Shleifer, Vishny, 1993].

Для коррупционного актора (желающего заключить коррупционную сделку с целью получения выгоды) – продавца – отправной точкой коррупционного поведения становится ситуация, в которой в силу несовершенства институтов контроля, перераспределения ресурсов, подотчетности, влияющей на итоговую результативность агентства (под которым мы можем понимать фактически все – от сельской школы до парламента), возникает спрос агентов на определенный «дополнительный доход» [Bardhan, 1997]. Этот доход они получают за счет коррупционного поведения. При этом их возможность получения дохода зависит от имеющегося административного ресурса.

Предположим, что в определенной структуре работают два одинаково квалифицированных сотрудника. В силу ряда причин зарплата одного из них в два раза ниже зарплаты второго при условии их равной результативности. В случае, если не существует жесткого контроля со стороны руководства, а также жестких санкций за коррупционное поведение, первый может за счет коррупции получить «надбавку» к зарплате. Таким образом, рождается предложение коррупции.

Спрос на коррупцию со стороны покупателей возникает в ситуации, когда в силу вышеописанных характеристик затрудняется вход на рынок [Broadman, Recanatini, 2001; Djankov, La Porta, Lopez-De-Silanes, Shleifer, 2002] как товаров, так и услуг. Таким образом, начинает работать принцип сокращения издержек [Bliss, Tella Di, 1997; Friedman, Johnson, Kaufmann, Zoido, 2000]. Принцип увеличения прибыли начинает работать в случае, если конкуренция на рынке характеризуется совершенностью, в связи с чем предприниматели стремятся изменять характеристику с помощью коррупционных платежей [Воробьев, 2014]. Так формируется спрос на коррупцию.

Коррупционный рынок, однако, не представляет собой определенный набор товаров или услуг, который упоминается в связи с опи-

санием бытовой коррупции [Левин, Сатаров, 2012]. В нашем понимании **коррупционный рынок является надстройкой над рынками товаров и услуг, позволяющей осуществлять более легкий (т.е. с меньшими издержками) вход на рынок товаров и услуг.**

При развитии коррупции (т.е. падении качества институтов, расширении охвата государственного регулирования, снижении степени регулирования) происходит трансформация существующей надстройки: для продавца это возможность получения дополнительного дохода. Коррупционный актер следует модели рентоориентированного поведения, обладая определенным административным ресурсом и стремясь к его наращиванию.

Для покупателя коррупция становится уже вынужденной мерой, поскольку вместо выбора стратегии снижения издержек или увеличения прибыли он сталкивается с увеличивающимися барьерами для ведения своей деятельности (не только предпринимательской, но и, например, политической). Покупатель попадает в ситуацию необходимости выбора – платить и оставаться на рынке либо не платить и быть выдвинутым с рынка [Persson, Rothstein, Teorell, 2013]. В зависимости от конфигурации коррупционных рынков [Vasileva, Vorobyev, 2014, p. 9–12] коррупционный рынок может формироваться как централизованный (патронажная сеть) или децентрализованный. Второй тип свидетельствует о крайне низком качестве институтов, отсутствии контроля. При этом именно децентрализованная коррупция наносит наиболее сильный вред функционированию рынков в целом, поскольку каждый коррупционный актер-продавец, стремясь получить максимальную выгоду, требует за свои услуги определенную плату [Shleifer, Vishny, 1993]. И у покупателя отсутствуют гарантии [Bardhan, 1997, с. 1324], поскольку коррупционные акторы-продавцы становятся вето-игроками.

Заключение

На основе анализа ранее проведенных исследований нами была предложена парадигма коррупционных рынков. Данная разработка представляет собой теорию среднего уровня, которая позволяет обобщить выявленные ранее факторы, оказывающие влияние на динамику коррупционных проявлений.

Разработка предложенной концепции опиралась на несколько ранее доказанных фундаментальных предпосылок.

– Эндогенность экономических факторов, влияющих на коррупцию. Коррупционные рынки развиваются в строгом соответствии с общими экономическими принципами. Акторы ведут себя ограниченно рационально, стремятся к максимизации своей выгоды в случае, если оценка рисков быть пойманным менее значима, чем потенциальная прибыль. Данная оценка строится на трех факторах – жесткости «правил игры» и их соблюдении (качество институтов), возможности устанавливать новые нормы или использовать созданные процедурные противоречия для формирования предложения коррупции (степень государственного регулирования), конфигурации административного ресурса и охвата рынка (охват государственного регулирования). Данные факторы не являются экономическими, а коренятся в ранее принятых политических решениях, что и обуславливает производность экономических факторов от факторов политических.

– Отказ от ранее созданных обобщений, связанных с объяснением эффективности антикоррупционных мер, полученных с помощью экстраполяции результатов исследований микроуровня на макроуровень.

Коррупция на этапе своего начального развития из разовых сделок превращается в надстройку над рынком (или рынками) существующих товаров и услуг (экономических, политических) и функционирует в соответствии с принципами динамики качества институтов, охвата и степени государственного регулирования. При дальнейшем распространении коррупции происходит постепенное вытеснение и замещение рынков товаров и услуг рынками коррупционными (т.е. теми, в которых получение товаров и услуг требует дополнительных платежей, а в дальнейшем теряется гарантия получения этих товаров и услуг даже при условии платежа). То есть возникает то, что называется системной коррупцией.

Примеры неуспешных антикоррупционных реформ, успешных в одних странах и неуспешных в других, обуславливаются разными контекстами, в которых данные реформы проводятся. В своем максимальном проявлении коррупция сама становится «правилом игры», интегрируясь в системы институтов и процессы государственного регулирования.

Данная теория представляет возможности для исследования коррупции, как в отдельных сферах общественной жизни, так и на уровне государства: это зависит от установочного понимания коррупции, вкладываемого исследователем. Теория также является базой для дальнейшего проведения качественных, количественных исследований, равно как исследований со смешанным дизайном.

Приложение

ОСНОВНЫЕ РАБОТЫ, В КОТОРЫХ ВЫЯВЛЕНЫ ПРЕДПОСЫЛКИ ТЕОРИИ КОРРУПЦИОННЫХ РЫНКОВ И ОТНОШЕНИЕ К ТЕОРИИ КОРРУПЦИОННЫХ РЫНКОВ

Коррупция как рынок

Correa H.

A comparative study of bureaucratic corruption in Latin America and the U.S.A.

Аналитическая модель бюрократической коррупции через призму теории общественного выбора основана на двух предпосылках: бюрократы стремятся к максимизации собственной полезности; они монопольно контролируют производство определенных благ и услуг. Коррупция формируется из спроса, предложения и конкуренции в потреблении благ. Монополия увеличивает коррупцию, в то время как конкуренция, включая политическую, сокращает [Correa, 1985, p. 66]. Ключевыми факторами, показавшими разную степень влияния в США и Латинской Америке, являются политическое участие (в США, но не в Латинской Америке); свобода прессы (в Латинской Америке, но не в США); степень политической конкуренции (чем больше демократов в Конгрессе США, тем меньше коррупции, что, вероятно, связано с их политической платформой того времени) [Correa, 1985, p. 79].

Анализ коррупции как явления, аналогичного рынку. Демонстрирует различное влияние факторов на динамику рынка.

Dey H.K.
**The genesis and spread of economic corruption:
A microtheoretic interpretation**

Коррупция – самовоспроизводящееся явление, которое естественным образом расширяется в отсутствии ограничений. Это обмен между сторонами, в ходе которого одна из них передает другой коррупционную услугу (B-service) [Dey, 1989, p. 504]. Самовоспроизводство коррупции обусловлено наличием у одной из сторон квазимонополистической власти или полномочий, например делегированных. Коррупция расширяется за счет трех факторов: предложения, порождающего спрос (создание условий, в которых предложение взятки является лучшей альтернативой достижения цели); спроса, порождающего предложение (взятка предлагается для получения незаконных привилегий, например, чтобы таможенник закрыл глаза на нарушения импортера); и «learning-by-doing» эффекта (раз установленные правила дачи и приема взяток поддерживаются новыми «продавцами» и «покупателями» через сарафанное радио и объединение в Сети, которые позволяют минимизировать риски быть пойманными) [Dey, 1989, p. 504–505]. Факторами, влияющими на коррупцию, являются секретность операций, создание сетей, найм на службу и неопределенность цен или предложения коррупции [Dey, 1989, p. 506, 510–511].

Основные тренды исследований бихевиоральной экономики и возможность эволюции коррупционных рынков.

Jain A.K.
Corruption: A Review

Обзор коррупционных исследований до конца 1990-х годов.

Теория коррупционных рынков относится к разделу «Коррупция и внутренний рынок» (Corruption and internal market) [Jain, 2001, p. 90], в который также входят некоторые часто цитируемые исследования [Lambsdorff, 1998; Bliss, Tella Di, 1997; Wade, 1985].

**Микроуровень:
Коррупционная сделка и ее составляющие**

**Alam M.S.
Some economic costs of corruption in LDCs**

Экономическое моделирование спроса и предложения бюрократической коррупции в условиях рентоориентированного поведения бюрократов. Поскольку коррумпированные чиновники стремятся к минимизации риска быть пойманными, они будут пытаться ограничить информацию и доступ к незаконному перераспределению ресурсов третьим лицам. По этой причине коррумпированные чиновники не создают «аукциона» на каждое коррупционное предложение, а склонны распределять последние между кликами доверенных людей. Способом увеличения дохода от коррупции является создание эластичного предложения – что возможно в случае, если бюрократ может повлиять на качество производимых услуг [Alam, 1990, р. 90–91]. В этом случае коррупционный доход будет увеличиваться с помощью новых источников или повышения размера взятки за счет неопределенности в предоставлении администрируемых ресурсов [Alam, 1990, р. 93–94].

Анализ создания предложения коррупции на микроуровне. Детализация обязанностей чиновника, прозрачность предоставления государственных услуг и рост степени регулирования ведет к снижению коррупции.

**Djankov S., La Porta R., Lopez-de-Silanes F., Shleifer A.
The Regulation of Entry**

Теория государственного регулирования («пункт сбора платежей» (tollbooth)): регулирование создается для извлечения прибыли (ренты) через взятки, голоса или взносы в избирательную кампанию, а не для общественного блага. Межстрановый анализ показал, что чем больше регулирования и чем дороже процедуры открытия бизнеса, тем больше коррупции, но не выше качество продукта регулирования. Страны с романо-германской системой права в целом более склонны к максимизации регулирования по

сравнению с англосаксонскими. Эта склонность оказывает двойственный эффект: в случае качественных институтов (например, во Франции) это ведет к качественным общественным благам; в случае некачественных институтов система превращается в аппарат по извлечению ренты из всего, с серьезными провалами рынка [Djankov, La Porta, Lopez-De-Silanes, Shleifer, 2002, p. 34–35].

Механизм предложения коррупции. Рост охвата государственного вмешательства всегда приводит к росту коррупции. Но для коррупционных рынков с некачественными институтами рост будет происходить по экспоненте.

**Shleifer A., Vishny R.W.
Corruption**

Коррупция – результат продажи бюрократами государственного товара или услуги. Зависит от уровня централизации и структуры госаппарата: чем больше децентрализация, тем больше коррупция [Shleifer, Vishny, 1993].

Низкая степень регулирования при некачественных институтах провоцирует коррупцию.

**Svensson J.
Who must pay bribes and how much?
Evidence from a cross section of firms**

Механизм коррупционной сделки на микроуровне. Условия коррупционной сделки зависят от продавца, который определяет размер взятки, и от фирмы, решение которой зависит от способности заплатить взятку (основанной на ожидаемой выгоде) и способности отказаться (стоимость переноса бизнеса в целях избежания взятки) [Svensson, 2003, p. 208]. Поэтому больше взяток платят те, кто не может уйти: т.е. фирмы, связанные с госсектором, и крупные компании [Svensson, 2003, p. 216, 218]. Размер взятки определяется так: чем больше ожидаемая выгода и меньше шансов выхода из сделки, тем больше взятка [Svensson, 2003, p. 219, 220].

Модель спроса на административную коррупцию. Неэффективность исследований макроуровня коррупции в том, что они не объясняют национальные различия [Svensson, 2003, p. 208].

Bliss C., Di Tella R.
Does competition kill corruption?

Зависимость конкуренции от коррупции: рентоориентированные бюрократы с помощью коррупции вытесняют из отрасли наименее конкурентные фирмы, чтобы собирать большие взятки с оставшихся [Bliss, Tella Di, 1997]

Возможности моделировать рынки с высокой конкуренцией с помощью административной коррупции. Эволюция коррупционных рынков с высокой степенью регулирования.

Макроуровень:
Зависимость коррупции от институтов

Rose-Ackerman S.
Trust, honesty and corruption:
Reflection on the state-building process

Концептуальные предпосылки анализа связи коррупции, институтов (демократических политических структур, бюрократий, права, судов, рыночных институтов) и общественного доверия. Неоднозначные тенденции эволюции коррупции в случае демократических реформ [Rose-Ackerman, 2001, p. 558].

Эволюция коррупционных рынков в странах «тонкой государственности» с унаследованными традициями «социального государства» при демократизации.

Acemoglu D., Johnson S., Robinson J., Thaicharoen Y.
Institutional causes, macroeconomic symptoms:
Volatility, crises and growth

Страны, унаследовавшие из колониального прошлого «извлекающие институты» (направленные на обогащение небольшой элиты за счет извлечения ренты из широкого основания пирамиды – неэлиты), испытывают большую экономическую нестабильность и больше подвержены экономическим кризисам. Некачественные

институты вызывают нестабильность через различные микроэкономические и макроэкономические каналы.

Качество институтов определяет коррупционный рынок. Применение любых, даже самых лучших реформистских практик при некачественных институтах не приводит к ожидаемым улучшениям.

Broadman H.G., Recanatini F.

Seeds of corruption – Do market institutions matter?

Рыночная конкуренция снижает стимулы для рентаориентированного поведения. Подобные ограничения недостижимы для транзитных моделей, в которых основные причины коррупции – это сочетание входных барьеров на рынок, неэффективной системы законодательства и неконкурентной инфраструктуры производителей услуг [Broadman, Recanatini, 2001].

Качественные институты, предполагающие конкуренцию, снижают предложение коррупции и спрос на нее.

Schopf J.C.

**An explanation for the end of political bank robbery
in the Republic of Korea: The T + T model**

Коррупция зависит от политических институтов в двух аспектах: транзакционные издержки и прозрачность (T + T model). Низкие показатели модели гарантируют сращивание бизнеса и политики; рост прозрачности при демократии ведет к росту транзакционных издержек коррупционной сделки. В условиях прозрачности коррупция угрожает карьере и политикам приходится проводить антикоррупционные реформы [Schopf, 2001].

Зависимость политической коррупции от качества институтов.

Lambsdorff J.G.

**2002. Making corrupt deals:
Contracting in the shadow of the law**

Коррупция – это вид транзакционных издержек, поэтому экономический рост в странах с высокой коррупцией замедляется.

Смысл борьбы с коррупцией – не борьба с агентами, а оптимизация структуры издержек [Lambsdorff, 2002].

Механизмы снижения спроса на коррупцию в условиях некачественных институтов.

Aidt T. et al. 2008.
**Governance regimes, corruption and growth:
Theory and evidence**

Связь коррупции с политическим режимом через качество институтов: режим G с высоким качеством институтов и режим B с низким качеством институтов. В первом режиме коррупция сокращает экономический рост; во втором – особенно не влияет [Aidt, Dutta, Sena, 2008].

Измерение коррупционного рынка в части качества институтов.

**Отсутствие универсальных практик регулирования
коррупции и неэффективность методологии исследований**

DeLeon P., Green M.T.
Chapter 31. Corruption and the new public management

Реформы NPM (new public management) снижают коррупцию в странах типа Новой Зеландии за счет прозрачности бюджетирования и большей подотчетности [DeLeon, Green, 2001].

Различие в эффективности практик регулирования в разных коррупционных рынках.

Tambulasi R.I.C.
**All that glitters is not gold: New public management
and corruption in Malawi's local governance**

Реформы NPM в Малави привели к росту коррупции. Неудача связана с отсутствием структуры общественного управления (Public Governance) (равный доступ, этика, подотчетность и доверие) [Tambulasi, 2009].

Неравномерная эволюция коррупционных рынков в результате одинаковых мер по борьбе с коррупцией в силу изначально разных каналов коррупционного поведения.

Kolstad I., Wiig A.
**Is transparency the key to reducing corruption
in resource-rich countries?**

Ставит под сомнение универсальные практики борьбы с коррупцией. Прозрачность не обязательно ведет к снижению коррупции, так как не гарантирует возможность пользоваться информацией с целью уменьшения коррупции. Она может использоваться в информационной асимметрии чиновниками для получения взяток – если прозрачность повышает шансы на идентификацию чиновника, которому надо платить взятку. Поэтому повышение прозрачности не помогает без снятия ресурсного проклятия и строительства институтов, ограничивающих рентоориентированное поведение бюрократов [Kolstad, Wiig, 2009].

Прозрачность помогает только при наличии качественных институтов, при некачественных она приводит к росту коррупции.

Persson A. et al.
**Why anticorruption reforms fail-systemic corruption
as a collective action problem**

Традиционная парадигма рассмотрения коррупции как принципал-агентской проблемы не объясняет системную коррупцию и по этой причине совершенно не помогает с ней бороться. Причина провалов антикоррупционных кампаний в странах с системной коррупцией не в том, что нет желающих выступить принципалом над коррумпированным агентом, а в том, что цена честного поведения в коррумпированных обществах слишком высока. Поэтому антикоррупционные реформы, нацеленные на стимулирование добросовестности чиновников, не работают. Изменение формальных и неформальных правил игры является единственным решением для борьбы с системной коррупцией, в том числе создание новой ролевой модели [Persson, Rothstein, Teorell, 2013, p. 465].

Коррупционный рынок модели А косвенно подтверждает единственный однозначно сокращающий коррупцию фактор динамики коррупционных рынков – рост качества институтов.

Список литературы

- Васильева В., Воробьев А.* Коррупционные рынки // Полис: Политические исследования. – М., 2015. – № 1. – [В печати].
- Воробьев А.* «Захват государства»: качество институтов и режимные деформации (Поиск подхода и операционализация) // Общественные науки и современность. – М., 2014. – № 5. – С. 76–87.
- Левин М., Сатаров Г.* Коррупция в России: классификация и динамика // Вопросы экономики. – М., 2012. – № 10. – С. 4–29.
- Рогозин Д.* Обзор публикаций о коррупции // Отечественные записки. – М., 2012. – № 12 (47). – С. 24–39.
- Acemoglu D., Johnson S., Robinson J., Thaicharoen Y.* Institutional causes, macroeconomic symptoms: Volatility, crises and growth // Journal of monetary economics. – Rochester, NY, 2003. – Vol. 50, N 1. – P. 49–123.
- Acemoglu D., Verdier T.* Property rights, corruption and the allocation of talent: A general equilibrium approach // Economic journal. – Nashville, TN, 1998. – Vol. 108, N 450. – P. 1381–1403.
- Acemoglu D., Verdier T.* The choice between market failures and corruption // American economic review. – Nashville, TN, 2000. – Vol. 90, N 1. – P. 194–211.
- Ades A., Tella R. Di.* Rents, competition, and corruption // American economic review. – Nashville, TN, 1999. – Vol. 89, N 4. – P. 982–993.
- Aidt T.S.* Economic analysis of corruption: A survey // Economic journal. – Nashville, TN, 2003. – Vol. 113, N 491. – P. F632–F652.
- Alam M.S.* Some economic costs of corruption in LDCs // Journal of development studies. – Oxford, 1990. – Vol. 27, N 1. – P. 89–97.
- Amos F.* Ethics and social responsibility in local government // Long range planning. – Amsterdam, 1982. – Vol. 15, N 2. – P. 121–125.
- Andvig J., Moene K.* How corruption may corrupt // Journal of economic behavior and organization. – Amsterdam, 1990. – Vol. 13, N 1. – P. 63–76.
- Bag P.* Controlling Corruption in Hierarchies // Journal of comparative economics. – Amsterdam, 1997. – Vol. 25, N 3. – P. 322–344.
- Banerjee A.* A theory of misgovernance // Quarterly journal of economics. – Oxford, 1997. – Vol. 112, N 4. – P. 1289–1332.
- Bardhan P.* Corruption and development: A review of issues // Journal of economic literature. – Pittsburgh, PA, 1997. – Vol. 35, N 3. – P. 1320–1346.
- Beenstock M.* Corruption and development // World development. – Amsterdam, 1979. – Vol. 7, N 1. – P. 15–24.

- Berkman H.* Corporate ethics: Who cares? // Journal of the Academy of marketing science. – Berlin, 1977. – Vol. 5, N 3. – P. 154–167.
- Black B., Kraakman R., Tarassova A.* Russian privatization and corporate governance: What went wrong? // Stanford law review. – Stanford, 2000. – Vol. 52, N 6. – P. 1731.
- Bliss C., Tella R. Di.* Does competition kill corruption? // Journal of political economy. – Chicago, 1997. – Vol. 105, N 5. – P. 1001–1023.
- Broadman H., Recanatini F.* Seeds of corruption – Do market institutions matter? // MOST. – Berlin, 2001. – Vol. 11, N 4. – P. 359–392.
- Burn W.* Electoral corruption in the nineteenth century // Parliamentary affairs. – Oxford, 1950. – Vol. 4, N 4. – P. 437–442.
- Cadot O.* Corruption as a gamble // Journal of public economics. – Amsterdam, 1987. – Vol. 33, N 2. – P. 223–244.
- Chang D., Zastrow C.* Police evaluative perceptions of themselves, the general public and selected occupational groups // Journal of criminal justice. – Amsterdam, 1976. – Vol. 4, N 1. – P. 17–24.
- Correa H.* A comparative study of bureaucratic corruption in Latin America and the U.S.A. // Socio-economic planning sciences. – Amsterdam, 1985. – Vol. 19, N 1. – P. 63–79.
- Diamond L.* Class formation in the swollen African state. // Journal of modern african studies. – Cambridge, 1987. – Vol. 25, N 4. – P. 567–596.
- Djankov S., La Porta R., Lopez-De-Silanes F., Shleifer A.* The regulation of entry // Quarterly journal of economics. – Oxford, 2002. – Vol. 117, N 1. – P. 1–37.
- Eliasberg W.* Corruption and bribery // Journal of criminal law criminology and police studies. – Chicago, 1951. – Vol. 42, N 3. – P. 317–331.
- Friedman E., Johnson S., Kaufmann D., Zoido P.* Dodging the grabbing hand: The determinants of unofficial activity in 69 countries // Journal of public economics. – Amsterdam, 2000. – Vol. 76, N 3. – P. 459–493.
- Goel R., Nelson M.* Corruption and government size: A disaggregated analysis // Public choice. – Berlin, 1998. – Vol. 97, N 1–2. – P. 107–120.
- Golden M., Picci L.* Proposal for a new measure of corruption, illustrated with Italian data // Economics and politics. – New York, 2005. – Vol. 17, N 1. – P. 37–75.
- Gupta S., Mello L. De, Sharan R.* Corruption and military spending // European journal of political economy. – Amsterdam, 2001. – Vol. 17, N 4. – P. 749–777.
- Guriev S.* Red tape and corruption // Journal of development economics. – Amsterdam, 2004. – Vol. 73, N 2. – P. 489–504.
- Gylfason T.* Nature, power, and growth // Scottish Journal of Political Economy. – New York, 2001. – Vol. 48, N 5. – P. 558–588.
- Hillman A., Swank O.* Why political culture should be in the lexicon of economics // European journal of political economy. – Amsterdam, 2000. – Vol. 16, N 1. – P. 1–4.
- Husted B.* Wealth, culture, and corruption // Journal of international business studies. – London, 1999. – Vol. 30, N 2. – P. 339–360.
- Jenkins R., Goetz A.* Accounts and accountability: Theoretical implications of the right-to-information movement in India // Third world quarterly. – London, 1999. – Vol. 20, N 3. – P. 603–622.

- Kolstad I., Wiig A.* Is Transparency the key to reducing corruption in resource-rich countries? // *World development*. – Amsterdam, 2009. – Vol. 37, N 3. – P. 521–532.
- Kunicová J., Rose-Ackerman S.* Electoral rules and constitutional structures as constraints on corruption // *British journal of political science*. – Cambridge, UK, 2005. – Vol. 35, N 4. – P. 573–606.
- Lambsdorff J.* Corruption and rent-seeking // *Public choice*. – Berlin, 2002. – Vol. 113, N 1–2. – P. 97–125.
- Lenhoff A.* The constructive trust as a remedy for corruption in public office // *Columbia law review*. – New York, 1954. – Vol. 54, N 2. – P. 214–217.
- Lien D.-H.* Corruption and allocation efficiency // *Journal of development economics*. – Amsterdam, 1990. – Vol. 33, N 1. – P. 153–164.
- Lui F.* A dynamic model of corruption deterrence // *Journal of public economics*. – Amsterdam, 1986. – Vol. 31, N 2. – P. 215–236.
- Macrae J.* Underdevelopment and the economics of corruption: A game theory approach // *World development*. – Amsterdam, 1982. – Vol. 10, N 8. – P. 677–687.
- Mauro P.* Corruption: causes, consequences, and agenda for further research // *Finance and development*. – Washington, 1998. – Vol. 35, N 1. – P. 11–14.
- Mckittrick E.* The Study of corruption // *Political science quarterly*. – New York, 1957. – Vol. 72, N 4. – P. 502–514.
- Mehmet B.* Corruption, supervision, and the structure of hierarchies // *Journal of law, economics, and organization*. – Oxford, 1996. – Vol. 12, N 2. – P. 277–298.
- Messner E.* Reactive entitlement in elective public office: A possible precursor to political corruption // *American journal of psychotherapy*. – New York, 1981. – Vol. 35, N 3. – P. 426–435.
- Misner G.* The organization and social setting of police corruption // *Police journal*. – Thousand Oaks, 1975. – Vol. 48, N 1. – P. 45–51.
- Myerson R.* Effectiveness of electoral systems for reducing government corruption: A game-theoretic analysis // *Games and economic behavior*. – Amsterdam, 1993. – Vol. 5, N 1. – P. 118–132.
- Nice D.* The policy consequences of political corruption // *Political behavior*. – Berlin, 1986 a. – Vol. 8, N 3. – P. 287–295.
- Nice D.* The policy consequences of political corruption // *Political Behavior*. – Berlin, 1986 b. – Vol. 8, N 3. – P. 287–295.
- Sardan O.* A moral economy of corruption in Africa? // *Journal of Modern African Studies*. – Cambridge, 1999. – Vol. 37, N 1. – P. 25–52.
- Orloff A., Skocpol T.* Explaining the politics of public social spending // *American Sociological Review*. – Thousand Oaks, 1984. – Vol. 49, N 6. – P. 726–750.
- Persson A., Rothstein B., Teorell J.* Why anticorruption reforms fail-systemic corruption as a collective action problem // *Governance*. – Trenton, NJ, 2013. – Vol. 26, N 3. – P. 449–471.
- Persson T., Tabellini G., Trebbi F.* Electoral rules and corruption // *Journal of the european economic association*. – Trenton, NJ, 2003. – Vol. 1, N 4. – P. 958–989.
- Pogrebin M., Atkins B.* Probable causes for police corruption: Some theories // *Journal of criminal justice*. – Amsterdam, 1976. – Vol. 4, N 1. – P. 9–16.

- Reid J., Kurth M.* Public employees in political firms: Part B. Civil service and military // *Public choice*. – Berlin, 1989. – Vol. 60, N 1. – P. 41–54.
- Rose-Ackerman S.* Corruption and government: Causes, consequences, and reform. – Cambridge, UK: Cambridge univ. press, 1999. – 284 p.
- Rose-Ackerman S.* Democracy and «grand» corruption // *International social science journal*. – Thousand Oaks, CA, 1996. – Vol. 48, N 149. – P. 365–380.
- Rose-Ackerman S.* The economics of corruption // *Journal of public economics*. – Amsterdam, 1975. – Vol. 4, N 2. – P. 187–203.
- Rose-Ackerman S.* Trust, honesty and corruption: Reflection on the state-building process // *Archives europeennes de sociologie*. – Cambridge, 2001. – Vol. 42, N 3. – P. 526–570.
- Sartori G.* Concept misformation in comparative politics // *The American political science review*. – Cambridge, UK, 1970. – Vol. 64, N 4. – P. 1033–1053.
- Scott I.* Institutional design and corruption prevention in Hong Kong // *Journal of contemporary China*. – London, 2013. – Vol. 22, N 79. – P. 77–92.
- Shleifer A., Vishny R.* Corruption // *Quarterly journal of economics*. – 1993. – P. 599–618.
- Strömberg D.* Mass media and public policy // *European economic review*. – Amsterdam, 2001. – Vol. 45, N 4–6. – P. 652–663.
- Svensson J.* Eight questions about corruption // *Journal of economic perspectives*. – Nashville, TN, 2005. – Vol. 19, N 3. – P. 19–42.
- Svensson J.* Foreign aid and rent-seeking // *Journal of international economics*. – Amsterdam, 2000. – Vol. 51, N 2. – P. 437–461.
- Tanzi V.* Corruption around the world: Causes, consequences, scope, and cures // *IMF staff papers*. – Washington, 1998. – Vol. 45, N 4. – P. 559–594.
- Treisman D.* The causes of corruption: A cross-national study // *Journal of public economics*. – Amsterdam, 2000. – Vol. 76, N 3. – P. 399–457.
- Treisman D.* What have we learned about the causes of corruption from ten years of cross-national empirical research? // *Annual review of political science*. – Palo Alto, CA, 2007. – Vol. 10. – P. 211–244.
- Vasileva V., Vorobyev A.* Corruption Markets: An Analytical Framework For Assessing Anti-Corruption Campaigns // *Higher School of Economics Research Paper*. WP BRP. – Moscow: 2014. – Vol. 21. – 33 p.
- Wade R.* The market for public office: Why the Indian state is not better at development // *World Development*. – Amsterdam, 1985. – Vol. 13, N 4. – P. 467–497.
- Webb W.* Ethical culture and the value-based approach to integrity management: A case study of the department of correctional services // *Public administration and development*. – Trenton, NJ, 2012. – Vol. 32, N 1. – P. 96–108.
- Wei S.-J.* How taxing is corruption on international investors? // *Review of economics and statistics*. – Michigan, 2000. – Vol. 82, N 1. – P. 1–11.
- Winston G.C.* The appeal of inappropriate technologies: Self-inflicted wages, ethnic pride and corruption // *World development*. – Amsterdam, 1979. – Vol. 7, N 8–9. – P. 835–845.